

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Статья / Article

УДК / UDC 1 (091) : 82 – 6

Роль эпистолярного жанра в философском дискурсе дворянской элиты*

М. И. Микешин

*Санкт-Петербургский горный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Изучение истории идей дворянской интеллектуальной элиты затруднено тем, что основой общения и важнейшим инструментом действий дворян была их обильная повседневная переписка, а не научные труды и литературные произведения. Это затруднение связано и с традициями гуманитарного изучения интеллектуальной истории, опирающейся в основном на профессиональные печатные публикации, и с проблемами «техническими» – присутствие писем в архивах в рукописном виде, а также очень часто французский язык дворянских писем. Статья предлагает обсуждение этого поля исследования и основных его проблем.

Материалы и методы. В данной сфере господствует «литературная парадигма», когда письма критически используются как источник сведений или как литературный жанр, но почти никогда не изучается влияние эпистолярного способа высказывания и общения на идейное содержание этих рукописных текстов. Кроме того, жанры писем чрезвычайно разнообразны, а их авторы часто уникальны по своим индивидуальным и социальным характеристикам, поэтому всякие обобщения здесь особенно опасны и сомнительны. В статье предлагается использовать пример известного деятеля эпохи Просвещения графа С. Р. Воронцова. Дается краткая характеристика этой персоны и его манеры использовать письма в качестве основного инструмента общения, как делового, так и личного.

Результаты исследования. В процессе изучения переписки Воронцова обнаруживается, что в огромном количестве писем он высказывается по многим актуальным для его времени темам, из которых можно выделить отношение к России и методам ее управления, события в Европе в связи с Французской революцией, социальную роль дворянства, воспитание и образование дворянских детей, коллекционирование книг, картин и музыкальных произведений. Приводятся некоторые яркие примеры из писем Воронцова, которые позволяют определить характер его мышления, манеру высказываний и глубину их смыслов.

Вывод. В статье делается вывод о необходимости и плодотворности изучения эпистолярного наследия дворянства для понимания интеллектуальной истории как российского нобилитета, так и российской социально-философской мысли во всем ее объеме и разнообразии.

* Исследование проводится при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00175.

© М. И. Микешин, 2020

© Mikhail I. Mikeshin, 2020

Ключевые слова: интеллектуальная история, российское дворянство, С. Р. Воронцов, письма, эпистолярный жанр, социальная философия, Просвещение.

Для цитирования: Микешин М. И. Роль эпистолярного жанра в философском дискурсе дворянской элиты // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2020. – № 3. – С. 8–25.

The Role of an Epistolary Genre in the Philosophical Discourse of the Noble Elite*

Mikhail I. Mikeshin

*Saint Petersburg Mining University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. Studies in the history of ideas of the intellectual noble elite are challenging because the main instrument nobles used for their communication and activities was their abundant everyday correspondence, but not scholarly and literary works. The difficulty is connected both with traditions of the intellectual history profession that mainly research in printed matter and ‘technical’ problems of reading French handwriting of noble letters in archives. The paper proposes to discuss this field of research and its main problems.

Materials and methods. The ‘literary paradigm’ prevails in this sphere, it means that letters are used critically as a source, as literary genre, but the influence of the epistolary way of expression and communication upon ideas expressed in these hand-written texts is almost never studied. Besides, genres of letters are extremely diverse, and their authors often are unique in their human and social characteristics, thus any generalization here is especially dangerous and doubtful. That is why the paper suggests turning to an example of Count Simon R. Vorontsov, who was a well-known person of the epoch of Enlightenment. The paper describes the person in short and his manner to use correspondence as the main tool for his business and personal communication.

Results. While studying Vorontsov’s correspondence it is found that in a vast majority of letters he expressed his opinions on many topics he was interested in, for instance, on Russia and its government, European events, the French revolution, the social role of the nobility, the Russian army, upbringing and education of noble children, books, pictures, theater, music, etc. Some bright excerpts from Vorontsov’s letters are cited to illustrate the way he thought, his manner of expression, and the depth of his ideas.

Conclusion. After the discussion of the specific example it is argued that it is essential and productive to study the epistolary heritage of the nobility for understanding of intellectual history of both the Russian aristocracy and the Russian social and philosophical thought in its full volume and variety.

Key words: intellectual history, Russian nobility, Simon Vorontsov, letters, epistolary genre, social philosophy, Enlightenment.

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 20-011-00175.

For citation: Mikeschin, M. I. (2020). Rol' epistol'yarnogo zhanra v filosofskom diskurse dvoryanskoj elity [The role of an epistolary genre in the philosophical discourse of the noble elite]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 8–25. (In Russian).

Введение

За пределами сферы историко-философского исследования часто оказывается обширный материал, продуцированный дворянской интеллектуальной элитой. Важно обсудить причины этого и выявить в этом материале философские дискурсы, а также использовавшиеся в нем системы понятий, концептов, интеллектуальных метафор, определить исторический характер их значений.

Проблема исследования истории философии в России в эпоху Просвещения состоит в неоднородности интеллектуальных элит. В это время в обществе одновременно функционировали академическая интеллектуальная элита, церковная и дворянская элиты. Несмотря на то, что в реальной жизни они пересекались – а в каких-то ее сегментах довольно активно – они продуцировали дискурсы, различающиеся по форме выражения, проблематике, способам коммуникации [2, с. 19–27]. Соответственно разнятся источники, которые должны использовать современные исследователи истории философии для того, чтобы понять и реконструировать философские взгляды эпохи, а также методы и способы их изучения. Необходимо учесть множество текстов, написанных на иностранных языках, прежде всего на французском – языке дворянской коммуникации [21].

Серьезный недостаток в понимании интеллектуальной традиции дворянства, видимо, состоит в том, что упускается важная особенность: письма – это не просто личное письменное общение, «отложенная беседа», «растянутый диалог», «диалог с вынужденными паузами», но это очень часто – основной инструмент жизни, повседневной профессиональной службы.

Каков мог быть характер повседневного дела служащего дворянина? Придворная служба, военное и гражданское управление, служба дипломатическая, управление усадебным хозяйством, выборные должности. Все эти виды деятельности требовали интенсивного общения, как очного, так и заочного. Н. А. Львов начинает одно из писем так: «скажу вам то, что делается между людьми, составлявшими вашу беседу» [3, т. 32, с. 500]. От умения общаться в дворянской среде зависело практически все. Именно поэтому служилые дворяне писали и получали огромное количество писем.

В такой эпистолярной среде возникла и развивалась интеллектуальная культура дворянства, а письма стали естественной формой высказывания и передачи мыслей, в том числе и философских. «В беседе, что простер ты ко мне чрез письмо от 12-го Сентября, я нахожу разительные истины» (П. В. Завадовский, 1798 [3, т. 12, с. 309]). В этом смысле письма – это не жанр, а техническая и культурная среда, в которой, в частности, появлялись философские высказывания и конструкции.

Понятие эпистолярного жанра можно применить скорее к тем литературным и философским произведениям, которые нарочито написаны в виде писем. В таком жанре можно использовать часто – не всегда – встречающиеся особенности писем: свободная форма, личное содержание, доверительная беседа, относительная краткость [9; 17].

Поле проблем для исследования здесь выглядит примерно так. Связаны ли и как именно смыслы «дворянских философий» с эпистолярной средой? В чем состоят важные для философствования особенности эпистолярной культуры дворянства, да и есть ли такие особенности? Какими методами можно изучать философствование в такой среде? Какие результаты можно получить?

Обзор литературы

За последнюю пару веков изданы многие рукописные сочинения, в том числе переписка, большого числа российских дворянских мыслителей века Просвещения – А. М. Белосельского-Белозерского [1], А. Т. Болотова [4; 5], М. М. Щербатова [16], И. И. Бецкого, Е. Р. Дашковой, Екатерины II, И. П. Елагина, Н. М. Карамзина, М. Н. Муравьева, А. Н. Радищева, В. Н. Татищева [16] и др.

При упоминании философских писем в истории российской философии немедленно вспоминаются «Философические письма» П. Я. Чаадаева [18]. Из современников и потомков на специфику жанра обратили внимание немногие, в основном сразу бросились обсуждать содержание. Чаадаеву пишет Пушкин: «Я хотел было также обратить ваше внимание на отсутствие плана и системы во всем сочинении, однако рассудил, что это – письмо и что форма эта дает право на такую небрежность и непринужденность» [Письмо П. Я. Чаадаеву 6 июля 1831 г. Из Царского Села в Москву]. На то, что сочинение имеет форму писем, обратили внимание М. Н. Лонгинов и Н. Г. Чернышевский. Про то, что эти письма обращены к даме, упоминали еще реже, видимо, потому что такого рода темы в переписках с дамами были довольно естественны в дворянскую эпоху. Имя дамы известно, как и ее биография. Однако в данном случае это оказалось не важным, поскольку, Чаадаев не опубликовал личные письма, а нарочито придал своей публикации такую форму [15, с. 68, 144, 349, 774].

А. И. Герцен, оказавший большое влияние на понимание истории русской философии, отмечал лишь внешние особенности письма как литературного жанра: «Случайное содержание писем, их легкая непринужденность, их будничные заботы сближают нас с писавшим» [7, с. 514]. Заметим, что он имел в виду письма исключительно личные.

Ю. М. Лотман довольно много говорит о письмах в «Беседах о русской культуре» [10, с. 31–32, 48, 49, 57–58, 70, 183, 275–276, 320, 326]. Он пишет о специфике культуры письма, ритуале и форме писем, об их интимности, о том, что частная переписка стала неотъемлемой чертой дворянского быта. Лотман обращает внимание на выбор языка письма – русского или французского, – также связанный с ритуалом. На грани XVIII и XIX веков письма часто художественны, литературны, театральны, подобны монологам и декламации на воображаемой сцене. При этом Лотман разделяет «письма» и «официальные бумаги» (хотя сам же приводит различные опровергающие такое разделение примеры). Писать письма было особым дворянским навыком и даже искусством, которому учили с детства [19, с. 143].

Е. Н. Марасинова обращается к изучению писем, потому что видит их особенности как текстов «массовых, функционирующих в повседневной жизни и отражающих не идеологический, а социально-психологический уровень сознания. <...> Письма заслуживают специального внимания из-за содержащейся в них информации о таких явлениях и процессах общественной психологии, которые менее отчетливо и полно отражены в других источниках личного происхождения» [12, с. 4–5]. Итак, письма – жанр массовый, повседневный, не идеологический, а социально-психологический.

Одной из проблем исследования писем является почти полное господство литературоцентричного подхода к ним. Этот подход, оценка эпистолярного наследия покоятся на обобщенной концепции дворянства, которая фактически не различает «интеллектуальную аристократию», «дворянскую фронду», с традиционными «персонами, составляющими национальную гордость», в первую очередь, с поэтами, писателями и публицистами из учебников революционной истории русской литературы. Г. А. Гуковский определял эту группу как «русскую дворянскую интеллигенцию XVIII века» [8, с. 9], сближая её, как замечает Е. Н. Марасинова, с «либерально настроенными вельможами» [12, с. 17]. Развитие культуры того времени отождествлялось «с созданием относительно независимой профессиональной дворянской литературы» [12, с. 21], с художественными и публицистическими жанрами.

Специфику эпистолярных источников выявить весьма сложно. Построения их типологии помогают мало, попытки дать определения – тоже. Примером может служить тяжеловесное определение С. С. Дмитриева: «письменное личное обращение автора письма к отдельному лицу (или нескольким лицам), составленное с применением типичных эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и др.). Такое обращение предполагает ответ со стороны того лица (лиц), которому оно направлено» (цит. по: [12, с. 36]).

Трудно выявить и отличительные видовые признаки письма, хотя такие усилия давно предпринимаются. Так, к видовым признакам эпистолярных источников относят: «лично-субъективное начало, синхронный характер воссоздания действительности, основное функциональное назначение – быть средством общения и информации» [12, с. 37]. Нетрудно видеть, что перечисленные в определении и в признаках письма особенности либо очень общие, не специфические для писем, либо могут совершенно отсутствовать, как все сразу, так и частично, что не трудно доказать многочисленными примерами.

Соответственно, термин «эпистолярный жанр», конечно, можно применять в литературном смысле, как общее наименование весьма разнородных рукописных источников, но не в данном исследовании.

Т. Г. Щедрина попыталась подойти к проблеме философских жанров более широко, используя понятия «архив» и «разговор». «Разговор» понимается ею как «контекстуальное поле, в котором приобретает внутреннюю форму предметный смысл слова-знака». Письма тогда – и один из способов «разговора», и одна из составляющих «архива», и очень важный элемент «контекстуального поля». В этом поле «смысл слов-понятий, формирующийся в разговоре, не статичен, а динамичен и позволяет творить новые предметные формы мыслимого, т. е. сфера разговора динамична по своей сути» [20, с. 30]. Однако, здесь речь идет уже не о специфике письма дворянского, а о специфике письма «философского». Философские письма – жанр очень почтенный и неплохо изученный.

Материалы и методы

Исследователю гуманитарно-историку неприлично исходить из принципа «литература – отражение жизни», потому что этот принцип невозможно проверить. Если мы берем примеры из литературы, то примеры эти отрефлексированы. Созданные нарочито (относительно свободно, с ограничениями, в основном, художественными), это примеры из сфантазированного мира. Поэтому примеры из литературы бездоказательны. Нельзя определить однозначно, пример из литературы – это мнение автора, мнение фигуры автора, мнение

героя, привычное мнение изображаемой среды и т. д. Ниоткуда не следует, что высказанное в произведении мнение есть мнение той среды, откуда произошел или в которой жил автор. Но даже если это так, то это мнение среды литературной, литераторской, и еще вопрос, может ли оно представлять мнение дворянства или какой-нибудь его существенной части.

Вспомним, что дворянство было столь малочисленно и разнообразно, что какие-либо обобщения делать чрезвычайно опасно, даже бессмысленно. Мы имеем дело с набором уникальных явлений. Хотите обобщать (зачем?) – сначала докажите, что это имеет смысл и продемонстрируйте метод.

При изучении сохранившихся в архивах и напечатанных писем бросается в глаза разнообразие их типов, видов и жанров. Например, по адресату: от интимного друга – до заклятого врага, от возлюбленной – до самого Бога, от приказчика – до высокого начальства, даже до императора. По степени интимности: от секретного, конкретному адресату – до молчаливо предназначенного для всеобщего чтения и даже для потомков. От письма, которое нужно послать немедленно, до того, которое вообще послать невозможно. Письма-эссе, письма-трактаты, письма-рапорты, письма-доносы, письма-рекомендации, письма-дневники, письма-прокламации и т. д. И написаны они, посланы и прочитаны в самых разнообразных контекстах.

Поэтому мы пойдем другим, тоже часто встречающимся путем. Выберем для примера героя. Граф Семен Романович Воронцов (1744–1832), сын известного государственного деятеля и масона Р. Л. Воронцова, племянник канцлера М. Л. Воронцова, брат А. Р. Воронцова и княгини Е. Р. Дашковой, отец фельд-маршала М. С. Воронцова, оставил нам в большом числе разбросанных по всему миру архивах свою огромную переписку. Только что вышла наиболее полная на данный момент его биография [6]. Кажется, нет ни одного труда по истории России второй половины XVIII – первой трети XIX века, не ссылающегося на его корреспонденцию, она служит нам богатым источником информации о том времени и оценках современниками тогдашних событий. Письма тщательно сохранялись в архиве семьи, многие из них опубликованы в конце XIX в. в 40-томном издании «Архив князя Воронцова» [3].

С. Р. Воронцов был героем русско-турецкой войны 1768–1774 гг., генералом, четверть века – дипломатом, послом России при Британском дворе, политическим мыслителем. И нигде он не был любителем, но во всем стремился быть профессионалом. Почти полвека жил в Англии и при этом оказывал серьезное влияние на политику и придворную жизнь в России. Наверное, именно он

может быть с полным правом назван универсальной дворянской личностью российского Просвещения.

Вся его жизнь сопровождается писанием текстов-писем. Письма были основным инструментом его жизни и работы, т. е. общения. Пишет он не только то, что необходимо для работы или семьи, но и свои соображения по самым разным вопросам, в том числе, и обобщающие. Он до самой отставки в 1806 г. практически постоянно находится в центре политической и культурной жизни аристократической Европы и российского императорского двора. В результате мы имеем жизнь человека в облаке текстов – писем, документов.

Из армии и войны, видимо, в силу своего самостоятельного и горячего нрава, он вынес две темы – дружбы и предательства. Он совсем не коллективист, очень индивидуален, отделен. Его любимый способ жизни и работы – создать вокруг себя небольшой тесный круг надежных людей. Воронцов создает малое сообщество работников посольства, оторванное от основной институции – министерства (коллегии) иностранных дел. Его «хунта» жила также вполне замкнуто, отдельно от британской среды. Интенсивная переписка превращает графа в летописца эпохи и оценщика политических и военных событий европейского уровня. Письма связывают его с миром, но они же отгораживают его и его «хунту» слоем слов. Для большей части мира он – источник письменных слов, сторона письменного диалога. С большой долей уверенности можно назвать такую жизнь «литературной», и вспомнить, что «интеллектуальное» не обязательно равно научному или литературному (в узком смысле слова).

Видимо, графа можно назвать «практическим интеллектуалом». Для него интеллектуальный труд был существенной частью работы, но его деятельность не сводилась только к такому труду и была очень практична и ситуативна. В переписке Воронцова встречаются обсуждения многих важных внешнеполитических, внутривнутриполитических, культурных и просто человеческих проблем. Некоторые его высказывания – настоящие афоризмы, острые *bon mots*. Чтение его писем в хронологическом порядке вполне создает впечатление захватывающего и эмоционального романа в письмах, основанного на реальных фактах, да еще и написанного большей частью по-французски.

Не только он все время писал, но и ему много писали, он провоцировал, вызывал на дискуссию – или на жесткий реприманд. С ним было интересно и нужно вступать в диалог. Его любимыми темами были политика европейских держав, интересы стран и правителей, политические устройства стран, военное искусство, роль дворянства, воспитание и образование дворян, служба отечеству, честь и предательство, закон и порядок, книги, музыка, живопись и

скульптура. Воронцов представляет собой особую аристократическую форму жизни – долговременное пребывание в должности за границей. Он был одним из самых ярких из немногочисленных последователей такой жизни. Ему очень нравилась Англия, но и не очень хотелось в Россию – страну Екатерины и Павла, а потом и Александра. Он сумел занять и отстоять интересную позицию – участие в придворной петербургской жизни и ее интригах, но извне. И позиция эта стала возможной только благодаря интенсивной переписке.

Граф Воронцов прекрасно разбирался в европейских словах и идеях и использовал их, однако не «пересаживая на российскую почву». Он был «свой» и там, и тут. От придворной и светской российской жизни он бежал не в деревню, а в Европу. В его случае не работает схема противопоставления публичной светскости и частной жизни в поместье. Свою «частность» он оберегал расстоянием от двора, но не в российскую глубинку, а в Европу. В стандартных оценках – это добровольная эмиграция, самоизгнание.

Письма для него были очень естественной и существенной частью общения, жизни, мышления, дела. Поскольку он не был литератором, он особенно не выбирал жанры и способы письменного общения, используя фактически только два – письма и «записки», под которыми он понимал изложение своих взглядов на какую-либо тему, более развернуто и последовательно высказанную в обширном письме.

Ю. М. Лотман в «Сотворении Карамзина» [11] пытается восстановить социально-политические взгляды Воронцова, но интересно, что он делает это не по письмам и «запискам» графа, а по сочинениям и свидетельствам тех литераторов, которые с достаточно тесно общались с Воронцовым.

Тем интереснее выяснить, какие социально-философские темы и проблемы Воронцов поднимает и обсуждает в своей переписке? Трактатов он не писал, но есть возможность собрать здесь некоторые из его высказываний. Кажется, мы имеем дело с продуманными и развитыми взглядами философствовавшего мыслителя.

Результаты исследования

Чтение небольшой (в основном, опубликованной на французском языке) части обширнейшей переписки Воронцова приводит к выводу, что, кроме текущих повседневных дел и тем, у него было несколько любимых «коньков», на которых он «садился» при каждом удобном случае. В этот набор входят следующие проблемы: Россия, кем и как она управляется; что происходит в Европе и какое влияние оказывают на нее революционные события во Франции; пробле-

мы и действия российской армии; воспитание дворянских детей и образование специалистов; книги, музыка, театр, покупка и коллекционирование предметов искусства.

О России и государственном управлении в ней, граф Воронцов писал, например, следующее:

«Мы слишком любим новинки и эксперименты; эксперименты хороши только в экспериментальной физике, но они бесполезны в политике, финансах, законодательстве, администрации и армии. Император очень склонен к инновациям, но его к ним еще больше побуждают его неспособные министры, среди которых нет ни одного государственного деятеля, и все яростно выказывают себя новыми проектами, новыми нормативными актами. Бедную Россию заставляют все время этим заниматься, и удивительно видеть, что после всех этих фатальных экспериментов, которыми ее так сильно пытали, она все еще сохранилась такой, какая есть» [3, т. 17, с. 237].

В напутствии сыну при отправке его в Россию в 1801 г. после смерти Павла и восшествия на трон Александра I, граф оценивал происходящее в стране более подробно:

«...хотя новое царствование сделало наших соотечественников счастливее, когда, выйдя из наиболее зверского рабства, они вообразили, что стали совершенно свободными и чувствуют себя, как жители других стран (ведь они не знают истинной свободы, основанной на особой конституции, какую имеет счастливая Великобритания, где люди подчиняются только законам, одинаковым для всех классов, и где человек сохраняет все свое достоинство). У нас – невежество, отвратительные нравы – как следствие этого невежества и формы правления, которая, унижая людей, лишает их всякого душевного подъема, приучает их к жадности, к чувственным удовольствиям, гнуснейшим подлостям и угодничеству перед всеми могущественными людьми или фаворитами государя. Наша страна слишком велика, чтобы один монарх, будь он хоть второй Петр Великий, смог все делать в одиночку, управляя без конституции, без строгих законов, без установленных независимых судов. По самой своей природе такая форма правления приводит к появлению любимого министра, который становится великим визирем ... Это нация униженная, расслабленная, потерявшая великолепие и чувство долга, и в то же время с такой легкостью характера, что сразу же забыла ужасный деспотизм, от которого томилась ... она совершенно непринужденно заявляет, что была угрюмой, дрожащей и молчаливой, а поскольку нынешний государь добр, она считает себя по существу свободной ... Нынешнее состояние страны – это лишь временное прекращение тирании, а наши соотечественники подобны римским рабам во время Сатурналий, после которых они опять впадают в свое обычное рабство» [3, т. 17, с. 5–6] (русский перевод: [13, с. 165–166]).

Воронцов, разумеется, считал, что основой российской государственности является монархия, а основной её опорой служит дворянство. Однако, дворянство российское вело себя не лучшим образом. «Дух порядка – это не дух

нашего дворянства» (*L'esprit d'ordre n'est pas celui de notre noblesse*) [3, т. 17, с. 105]. Тем не менее, государство обязано заботиться о дворянстве, не допускать его деградации и вытеснения третьим сословием:

«Дворянин, рожденный с разумной головой, владелец многих земель и вследствие этого заинтересованный более, чем кто либо другой, в сохранении счастья своей родины, получивший образование, соответствующее ее благу, и вследствие этого просвещенный, который мог бы участвовать в [местных дворянских] ассамблеях, но имеет слишком слабое физическое состояние, чтобы служить, не будет допущен на эти собрания; тогда как там будет чиновник, который раньше был крепостным того дворянина, выскочка, купивший два или три акра земли в этой провинции, где он, чаще всего и служит подьячим, обманом стал секретарем и купил тридцать крестьян, будет помогать на этих ассамблеях и решать судьбу огромных владений – это ничтожество, наименее заинтересованное в поддержании хорошего управления. Эта проклятая порода адвокатов, прокуроров и мелких юристов, которые вслед за так называемыми философами, этими великими предсказателями химерического равенства, внесли самый большой вклад в переворачивание всего с ног на голову, в уничтожение всех прав собственности и, наконец, во все ужасы и все мерзости, которые мы видим во Франции. Не может быть монархии без дворянства, обладающего реальными и почетными привилегиями; и чем больше оно отличается этими правами и этими привилегиями от третьего сословия и от народа, тем сильнее оно удерживает их в рамках уважения и тем более оно сплочено вокруг трона, от которого исходят все милости. Бессмертное произведение *О духе законов* доказывает это с математической ясностью...» [3, т. 9, с. 298].

В то же самое время, государству следует блюсти свои интересы и свое достоинство и во внешней, и во внутренней политике. Воронцов демонстрирует это при разборе проекта передачи России британских каторжников в 1785 г.:

«Я имел честь получить письмо вашего сиятельства, коим повелеваете мне объяснить с Аглицким министерством о здешних ссылошных, коих у нас на поселение примать желают. ... Позвольте себе представить слабое мое рассуждение о сем деле. Какая может быть польза пространной империи нашей, приобретаая ежегодно 90 или 100 злодеев, извергов можно сказать рода человеческого, кои ни к хлебопашеству, ни к рукоделию неспособны ... Пойдут ли добрые и трудолюбивые люди других земель на поселения, где известно будет всем, что сии разбойники вселяются? Иной от страха, другой от стыда, чтоб не быть на равне почтену с ними, от сего удержится. Прибавьте к сему еще, прилично ли, чтоб в свете думали, что в счастливое и славное царствие Великой Екатерины Россия служит ссылкою Англии и что ничем не славный, а еще мене великий Георгий Третий осуждает своих преступников наказанием ссылки равномерно в Россию, как и на Африканские берега? ... Впрочем, естли я излишно горячо о сем изьясняюсь, извините в рассуждении причин, меня на то побуждающих. Меня движет в сем случае привязанность моя к Государыне и к моему Отечеству и усердие мое к славо обоих. Я могу ошибаться в моих мыслях, но ошибка сия от ревности к службе и к Отечеству происходит» [3, т. 9, с. 454–455].

Посла часто обвиняли в излишней любви к Англии, в непонимании российских реалий. Но он всегда отвечал на эти наветы следующим образом: «Вы говорите мне, что я занялся тем, что меня не касается, и я вам отвечаю, что я русский, и ничто из России не может быть мне чуждым. Каждый понимает это, как хочет; я думаю, что любой добрый соотечественник мог и должен был делать то, что я сделал, если бы он думал, как и я, что это было на благо страны» [3, т. 9, с. 304]. Граф своей жизнью и делами практически ответил на вопрос, можно ли постоянно жить в Европе и при этом приносить конкретную пользу своему Отечеству – России.

А в Европе он жил и работал в одну из самых сложных эпох – во времена Французской революции и Наполеоновских войн. Сказать, что граф боялся, ненавидел или осуждал революцию – это не сказать ничего. Находясь в самом центре европейской политики, он с помощью своих агентов и корреспондентов тщательно собирал и анализировал информацию о происходивших событиях и политических решениях, он делал это и для своего правительства, и для себя. И такая высокая информированность сделала из него серьезного пессимиста:

«...это всеобщее брожение, распространяющееся подобно эпидемии с огромной силой по всем странам. Этот дух реформ и всеобщего равенства, который проповедовали во Франции экономисты и энциклопедисты, чьи сочинения, переведенные на все языки, повернули головы тех, кто составляет третье сословие и народ, на подрыв правительств, и они прежде всего атаковали дворянство – естественного охранителя тронов, чтобы его низвергнуть, чтобы потом низвергнуть и сами троны, как это произошло во Франции» [3, т. 9, с. 299–300].

«Революционные идеи неизбежно распространяются, остановить их невозможно, потому что люди везде невежественны и глупы, и эти крики "никаких налогов" и "полного равенства" слишком привлекательны для тех, кто хочет восстать. Никогда не удастся объяснить им, что никакая масса людей, собравшихся в обществе, не может жить без магистратов, без судей, без полиции, без вооруженных людей для защиты и что для оплаты этих должностных лиц необходимы налоги. Все это бесполезно. Эти крики вышибут их из шарниров, и нам повсюду угрожает абсолютная и всеобщая подрывная деятельность. Наша очередь придет позже из-за расстояния; но это наступит, и все это из-за так называемой философии Франции и преступной беззаботности ее соседей, которые будут раньше нас жертвами своего малодушия, своего неправильно понятого эгоизма и своей мелкой и еще более абсурдной ненависти» [3, т. 9, с. 273–274].

Воронцов видит жесткую связь между происходящими событиями и распространенными европейскими социально-политическими идеями, он видит цену этих идей и ответственность за их распространение. Он так оценивает возвращение Наполеона и битву при Ватерлоо после его ста дней:

«Все могло закончиться в апреле прошлого [1814] года; но политические и сентиментальные теории выступили против этого к несчастью всей Европы. Вместо того, чтобы истребить негодяя, полмиллиона человек погибнут ради либеральных идей и просвещения века: фраз, которые я никогда не мог понять» [3, т. 17, с. 367].

Граф всегда интересовался современной ему социально-философской мыслью «так называемого философского века» (*le prétendu siècle de la philosophie*) [3, т. 9, с. 268] и интересовался всерьез, обращая внимание даже на тонкости перевода. Еще в юности, в июне 1767 г. он писал из Москвы брату:

«Я только что прочитал одолженную мне книгу под заглавием “О преступлениях и наказаниях” [Чезаре Беккариа], сочинение чрезвычайно интересное теми философскими и благородными чувствами, с которыми автор выражает себя. Очень меня обяжешь, послав мне эту книгу на французском и на итальянском, поскольку это оригинал, а люди, которые прочли ее и на том, и на другом языках, уверяли меня, что переводчик ошибся, изменив последовательность глав, и что он даже неверно перевел. Профессор Мюллер, который сейчас здесь [в Москве], сказал мне, что когда читаешь перевод, кажется, что переводчик выражается осмысленно; но, когда читаешь итальянский оригинал, находишь, что переводчик сильно ошибается» [3, т. 32, с. 101].

Сочинения Вольтера также, конечно, интересовали молодого графа. Вышедшая в 1767 г. в Лозанне повесть «Простодушный» оказалась в его руках менее чем через год (естественно, в оригинале, русский перевод вышел только через восемь лет). Прочитав повесть, Воронцов выразил в письме свои впечатления и, воспользовавшись случаем, объяснил свое отношение к религии:

«”Простодушный” доставил мне огромное удовольствие, особенно глава о крещении. Это лучшая шутка в мире. В общем, нельзя лучше атаковать и высмеять абсурдное противоречие, в которое впали почти все известные религии: взять что-то за основание и фундамент, а затем ввести заповеди, учреждения, совершенно противоречащие этому основанию. В христианстве все основано на Библии, и все делают вопреки ей – и авторитеты, и церковные институты. “Новый завет”, основанный и опирающийся на “Ветхий”, часто ему противоречит. Невозможно строго следовать первому, не будучи евреем, и если кто-то соберется следовать “Новому завету” буквально и не делать ничего, кроме того, что в нем указано, этот бедняга будет считаться сектантом-еретиком греческими христианами, латинскими христианами, христианами-лютеранами, христианами-кальвинистами и единодушно всеми различными существующими христианскими сектами, кроме квакеров. Что касается меня, то мой символ веры таков: делать всем добро, не делать никому зла и верить в существование Бога всеблагого, всемогущего, справедливейшего, который нас накажет или вознаградит в будущей жизни в зависимости от наших действий и нашей совести» [3, т. 32, с. 114–115].

В написанном по-русски письме об одном из своих бывших сотрудников (Ф. Миранде) Воронцов прослеживает, как, по его мнению, общение с французскими просветителями влияет на умы:

«Но в тоже время я усматривал в нем, что острый и надмерно-пылкий его разум помрачал иногда его рассуждение и что безразборное чтение анциклопедических авторов и собеседие ... с Реналем, Кондорсетом и другими подобными, ввело его в метафизические системы вольного правления, кои он не рассудил, что на действиях они совсем не те, как в умствованиях ему кажется. Мы часто с ним спорили о делах Французских, коих он не понимал развратность. Четыре месяца тому назад поехал он во Францию. Я надеялся, что, будучи на месте, он узрит мерзкие следствия бешеного правления сей развращенной нации» [3, т. 13, с. 457].

Таким образом, делает вывод Воронцов, «те, кто не испорчен в сердцах своих, теперь испорчены в своем разуме» [3, т. 9, с. 145]. Примером такой испорченности и прямой глупости является для него А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву». Осуждая суровое наказание писателя, он добавляет: «я убежден, что он никогда не был преступником намеренно, что поступок, который он совершил, происходил только от глупости и незнания последствий, которые могли возникнуть из-за его брошюры» [3, т. 10, с. 6].

Однако сам граф внимательно читал всех тех авторов, которых так яростно критиковал. Особый его интерес вызывали мыслители британские – в то время действительно самые передовые в политической, экономической и философской областях. Обсуждая роль Библейского общества, перевод Библии и роль «славянского языка» для языка русского, Воронцов пишет по-французски:

«Но мы живем в эпоху, когда всё хотят улучшить [*améliorer*] и когда всякое изменение считают улучшением [*amélioration*], хотя почти всегда получается наоборот. Без сомнения, некоторые изменения необходимо производить, улучшая законы, делая их более ясными и не подверженными различным влияниям. Нужно искать улучшений в науках, таких как физика, химия, механика. Нужны улучшения в области политической экономии, которая рассматривает торговлю, мануфактуры, деньги. Но инновации в языке, не только не являются необходимыми, но и могут привести к очень плохим последствиям, как это библейское общество, которое увеличит количество и разнообразие раскольников. Что касается языка, он лишится всей своей красоты, если будет забыт славянский, такой величественный и такой энергичный» [3, т. 17, с. 548–549].

Французское *amélioration* есть точный перевод английского *improvement* – основного понятия шотландского Просвещения, широко использовавшегося Адамом Смитом и Давидом Юмом.

Выводы

Примеры мыслей и рассуждений графа С. Р. Воронцова можно множить, но задача данной статьи не в том, чтобы описать взгляды данной персоны, а в том, чтобы показать на конкретном примере, сколь важно изучение эпистолярного наследия для понимания интеллектуальной истории дворянства, в частности, и русской социально-философской мысли вообще.

Из изучения писем Воронцова можно сделать вывод, что многие «открытия» интеллигентских критиков XIX в. уже давно были сделаны дворянством и многократно им обсуждались. Немудрено, что интеллигенты воспринимались дворянами, как недоучки. Многие же размышления русских дворян – образованных на высочайшем европейском уровне – оказались недоступны для русской интеллектуальной истории и по «техническим», и по идеологическим причинам. Очевидно, что философские мысли в аристократических письмах отнюдь не редки, не начинаются у российских дворян с «Философических писем» П. Я. Чаадаева и содержатся далеко не только в письмах литераторов мыслителей-классиков.

И это отнюдь не разрозненные мысли за бокалом или нюханьем табака. У Воронцова существовали по определенным вопросам весьма продуманные концепции, которые он годами совершенствовал. Во многом они опирались не столько на тексты известных ему мыслителей, сколько на его собственную практику и информацию из писем его корреспондентов. Если взять за труд и сделать то, что не сделал сам граф, то есть найти в письмах, выписать и собрать воедино социально-философские мнения и высказывания Воронцова, то российская публика могла бы познакомиться с еще одним ярким и нетривиальным мыслителем русского века Просвещения.

Список литературы

1. Артемьева Т. В., Златопольская А. А., Микешин М. И., Тоси А. А. М. Белосельский-Белозерский и его философское наследие. – СПб.: С.-Петербург. центр истории идей, 2008. – 200 с.
2. Артемьева Т. В., Микешин М. И. Интеллектуальная культура эпохи Просвещения в России. – СПб.: С.-Петербург. центр истории идей; Изд-во Политехника Сервис, 2020. – 356 с.
3. Архив князя Воронцова / под ред. П. И. Бартенева. В 40 т. – М., 1870–1895.
4. Болотов А. Т. Детская философия / публ. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. – СПб.: ИД Петрополис, 2012. – 854 с.
5. Болотов А. Т. О душах умерших людей / публ. Т. В. Артемьевой. – СПб.: Алетейя, 2006. – 204 с.
6. Воронцов-Дашков А. И., Микешин М. И. Семен Романович Воронцов. Биография. – СПб.: С.-Петербург. центр истории идей; Изд-во Политехника Сервис, 2020. – 446 с.

7. Герцен А. И. Старые письма (Дополнение к «Былому и думам») // Герцен А. И. Сочинения в тридцати томах. Т. 11. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 514–540.
8. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов. – М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936. – 246 с.
9. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. – 718 с.
10. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – 399 с.
11. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. – М.: Книга, 1987. – 336 с.
12. Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). – М.: РОССПЭН, 1999. – 302 с.
13. Микешин М. И. Дворянство: от истории к метафизике. – СПб.: С.-Петерб. центр истории идей; ИПЦ Политехника-сервис, 2015. – 400 с.
14. Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / под ред. Т. В. Артемьевой. – СПб.: Наука, 1996. – 316 с.
15. П. Я. Чаадаев: pro et contra / сост. А. А. Ермичев и А. А. Златопольская. – СПб.: РХГИ, 1998. – 880 с.
16. Переписка князя М. М. Щербатова / публ. С. Г. Калининой. – М.: Древлехранилище, 2011. – 530 с.
17. Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. – М.: ГИХЛ, 1960. – С. 474–488.
18. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в двух томах / отв. ред. З. А. Каменский. – М.: Наука, 1991. – 800, 672 с.
19. Шокарева А. Дворянская семья. Культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. – М.: Новое лит. обозрение, 2017. – 304 с.
20. Щедрина Т. Г. Архив эпохи: тематическое единство русской философии. – М.: РОССПЭН, 2008. – 391 с.
21. Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History. – Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2018. – 702 p.

References

1. Artemyeva, T. V., Zlatopol'skaya, A. A., Mikeshin, M. I., Tosi, A. (2008). *A. M. Belosel'skij-Belozerskij i ego filosofskoe nasledie* [A. M. Belosel'skij-Belozerskij and his philosophical heritage]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij centr istorii idej. (In Russian).
2. Artemyeva, T. V., Mikeshin, M. I. (2020). *Intellektual'naya kul'tura epohi Prosveshcheniya v Rossii* [Intellectual culture of the epoch of Enlightenment in Russia]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij centr istorii idej; Izdatel'stvo Politekhnik Servis. (In Russian).
3. Bartenev, P. I. (ed.) (1870–1895). *Arhiv knyazya Vorontsova* [Prince Vorontsov's Archives]. In 40 vols. Moskva. (In Russian).
4. Bolotov, A. T. (2012). *Detskaya filosofiya* [Children's philosophy] / publ. by T. V. Artemyeva, M. I. Mikeshin. Sankt-Peterburg: ID "Petropolis". (In Russian).
5. Bolotov, A. T. (2006). *O dushah umershih lyudej* [On the souls of the dead] / publ. by T. V. Artemyeva. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (In Russian).

6. Woronzoff-Dashkoff, A. I., Mikeshin, M. I. (2020). *Semen Romanovich Vorontsov. Biografiya* [Semyon R. Vorontsov. A biography]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij centr istorii idej; Izdatel'stvo Politekhnik Servis. (In Russian).
7. Herzen, A. I. (1957). Starye pis'ma (Dopolnenie k "Bylomu i dumam") [Old letters (An addendum to "My Past and Thoughts")]. Herzen, A. I. *Sochineniya v tridcati tomah* [Works in thirty volumes]. Vol. 11. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR. pp. 514–540. (In Russian).
8. Gukovskij, G. A. (1936). *Oчерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фрonda в литературе 1750–1760-х годов* [Essays in history of the 18th-century Russian literature. The noble Fronde in literature of 1750–1760]. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk. (In Russian).
9. Karamzin, N. M. (1987). *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian).
10. Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations on Russian culture: The Russian nobility's everyday life and traditions (the 18th – the beginning of the 19th century)]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPb. (In Russian).
11. Lotman, Yu. M. (1987). *Sotvorenje Karamzina* [Creating Karamzin]. Moskva: Kniga. (In Russian).
12. Marasinova, E. N. (1999). *Psihologiya elity rossijskogo dvoryanstva poslednej treti XVIII veka (po materialam perepiski)* [Psychology of the Russian noble elite of the last third of the 18th century (from correspondence materials)]. Moskva: ROSSPEN. (In Russian).
13. Mikeshin, M. I. (2015). *Dvoryanstvo: ot istorii k metafizike* [The nobility: from history to metaphysics]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij centr istorii idei; IPC Politekhnik-servis. (In Russian).
14. Artemyeva, T. V. (ed.) (1996). *Mysli o dushe: Russkaya metafizika XVIII veka* [Thoughts about the soul: Russian 18th-century metaphysics]. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russian).
15. Ermichyev, A. A. & Zlatopol'skaya, A. A. (ed.) (1998). *P. Ya. Chaadaev: pro et contra* [P. Ya. Chaadaev: pro et contra]. Sankt-Peterburg: RHGI. (In Russian).
16. Kalinina, S. G. (ed.) (2011). *Perepiska knyazya M. M. Shcherbatova* [Prince M. M. Shcherbatov's correspondence]. Moskva: Drevlekhranilishche. (In Russian).
17. Pushkin, A. S. (1960). Roman v pis'mah [A novel in letters]. Pushkin, A. S. *Sobranie sochinenij v 10 tomah* [Collected works in ten volumes]. Vol. 5. Moskva: GIHL. pp. 474–488. (In Russian).
18. Chaadaev, P. Ya. (1991). *Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma v dvuh tomah* [The full collection of works and selected letters in two volumes]. Moskva: Nauka. (In Russian).
19. Shokareva, A. (2017). *Dvoryanskaya sem'ya. Kul'tura obshcheniya. Russkoe stolichnoe dvoryanstvo pervoj poloviny XIX veka* [The noble family. Culture of communication. The Russian metropolitan nobility of the first half of the 19th century]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
20. Shchedrina, T. G. (2008). *Архив эпохи: тематическое единство русской философии* [Archives of the epoch: the thematic unity of Russian philosophy]. Moskva: ROSSPEN. (In Russian).
21. Offord, D., Rjéoutski, V., Argent, G. (2018). *The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 702 p.

Об авторе

Микешин Михаил Игоревич, доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-5901-0639, e-mail: Mikeshin_MI@pers.spmi.ru

About the author

Mikhail I. Mikeshin, Dr. Sci. (Philos.), Assistant Professor, Saint Petersburg Mining University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-5901-0639, e-mail: Mikeshin_MI@pers.spmi.ru

Поступила в редакцию: 21.06.2020

Received: 21 June 2020

Принята к публикации: 24.08.2020

Accepted: 24 August 2020

Опубликована: 14.09.2020

Published: 14 September 2020